

В. Г. Белинский

**Николай Алексеевич
Полевой**

Виссарион Белинский
Николай Алексеевич Полевой

«Public Domain»

1846

Белинский В. Г.

Николай Алексеевич Полевой / В. Г. Белинский — «Public Domain», 1846

Настоящая статья завершает длительную и сложную историю отношений Белинского к Полевому. Переход Полевого на реакционно-охранительные позиции, после закрытия «Московского телеграфа», вызвал резкий перелом в отношении к нему Белинского. Ренегат Полевой не заслуживал никакого снисхождения. В своих статьях критик вел неустанную борьбу с Полевым. Смерть Полевого в начале 1846 года положила естественный конец этой борьбе и вместе с тем вызвала необходимость исторической оценки всей деятельности Полевого. Эту задачу Белинский и выполнил в настоящей статье.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Виссарион Григорьевич Белинский Николай Алексеевич Полевой

*...На жизненных браздах
Мгновенной жатвой поколенья,
По тайной воле провиденья.
Восходят, зреют и падут,
Другие им вослед идут...^[1]*

Пушкин.

Всякая сфера деятельности бесконечно разнообразна и требует различных деятелей. С первого взгляда кажется, что наука может поднять и двинуть вперед только ученый, поэзию – поэт, литературу – литератор. Без всякого сомнения, без ученых наука не могла бы не только подниматься и двигаться, но даже и существовать, так же как и поэзия – без поэтов, литература – без литераторов; однакож тем не менее справедливо и то, что науке, искусству и литературе оказывали иногда величайшие услуги люди, которые ничего не писали и не были ни учеными, ни поэтами, ни литераторами. Нужно ли говорить, какое великое влияние на успехи литературы может иногда иметь книгопродавец-издатель? Вспомним Новикова. Этот человек, – столь мало у нас известный и оцененный (по причине почти совершенного отсутствия публичности), – имел сильное влияние на движение русской литературы и, следовательно, русской образованности. Сам он ничего или почти ничего не писал, но он обладал удивительной способностью заставлять писать других. Владея значительными средствами, он издавал множество книг в такое время, когда у нас почти вовсе не было книг. Но и в этом случае он действовал не как книгопродавец, хотя в то время и роль дельного книгопродавца была бы еще благодетельнее, нежели как могла бы она быть теперь. Нет! Новиков не был книгопродавцем: нажиться продажей книг нисколько не было его целью. Благородная натура этого человека постоянно одушевлялась высокою гражданскою страстию – разливать свет образования в своем отечестве. И он увидел могущественное средство для достижения этой цели в распространении в обществе страсти к чтению. Для чтения нужны книги и журналы, а их-то и не было тогда. И вот Новиков издает книги и журналы, всюду ищет молодых людей, способных или охотливых к книжному делу. Знающим иностранные языки он заказывает переводы, у стихотворцев печатает стихи, у прозаиков – прозу; всех одобряет и понуждает, бедным дает средства к образованию. Кому не известно, что сам Карамзин многим был обязан Новикову? Если бы это и несправедливо было приписано Новикову, все же это важный факт в его пользу. Когда явился Пушкин, всякое ходячее по рукам стихотворение, действительно хорошее или только казавшееся хорошим, приписывалось Пушкину, хотя бы и вовсе не принадлежало ему. Так и Новикову приписывалось издание всякой книги и одобрение всякого таланта: это выразительно указывает на его роль на сцене русской литературы...^[2]

Но эта роль, как ни важна и ни велика она, имела определенный и ограниченный характер. Новикову нужно было во что бы то ни стало заохотить общество к чтению, давши ему средства удовлетворять этой охоте – книги и журналы. О направлении этой охоты он не думал, да и думать тогда об этом было рано. Он печатал почти все, что ни писалось, и считал за писателя всякого, кто только имел охоту писать для печати. Новиков не был архитектором: он приготовлял только строительные материалы и строительных мастеров. Давать литературе

^[2] Замечание Белинского, что Новиков сам «почти ничего не писал», ошибочно. В. П. Семенников, автор специального исследования «Русские сатирические журналы 1769–1774 годов» (СПб, 1914), приходит к выводу, что «сам Новиков был автором существеннейшей части своих трех журналов». Карамзин был действительно близок к «Дружескому обществу» Новикова.

направление, действовать на нее лично – это роль людей другого рода. Но и для этой роли – повторяем – нужны не одни ученые и поэты.

Три человека, несколько не бывшие поэтами, имели сильное влияние на русскую поэзию и вообще русскую изящную литературу в три различные эпохи ее исторического существования. Эти люди были – Ломоносов, Карамзин и Полевой... Каждый из них оказал свое влияние на литературу своим особенным образом, сообразно с обстоятельствами и требованиями своего времени.

Ломоносов, Карамзин – и Полевой!.. Как многих оскорбит такое сближение имен! Имена еще до сих пор играют в нашей литературе чрезвычайно важную роль, потому что для многих еще заменяют они идеи... Имена в нашей литературе – то же, что чины в нашей общественной жизни, то есть легкое *внешнее* средство оценить человека... Не всякому дана способность судить верно о качествах человека и узнавать безошибочно, хорош он или нет. Так точно, не всякому дана способность судить верно об истинном значении и достоинстве писателя; но нет глупца и невежды, который бы, услышав громкое или известное имя, не догадался бы тотчас же, что это – большой сочинитель. Чем старее имя писателя, тем большим уважением пользуется оно (особенно со стороны людей, никогда не читавших этого писателя), – и поставить с ним рядом имя хотя бы и весьма известного, но еще живого или только недавно умершего писателя – значит рассердить насмерть множество людей, которым литература, по разным отношениям, близка к сердцу, а еще более людей, которым до литературы вовсе нет никакого дела... В настоящем случае мы делаем большой риск в этом отношении. Старики, которые и теперь считают Ломоносова вместе с Сумароковым и Херасковым образцовыми писателями, увидят страшную профанацию в сближении имени Полевого с именем Ломоносова. Но этих уже не много, и они будут жаловаться про себя и между собою; их дрожащие голоса не возвысятся среди общества, которое так молодо в отношении к ним, что уже не помнит пудренных кос с кошельками... Но что скажут те, которые с личностью и эпохою Карамзина сливают воспоминание о лучшем времени своей жизни; которые, наконец, помнят в Полевом человека, писавшего против Карамзина, хотя и после его смерти...^[3] Что скажут бывшие журналисты, современники Полевого, и многие писатели и писаки, которых некогда уничтожал он своим журналом и у которых еще целы шрамы от глубоких ран, нанесенных его пером их самолюбью?.. Что скажут все они? – Пусть говорят, что хотят: страшен сон, да милостив бог!.. Истина выше людей и не должна бояться их, особенно истина об умершем человеке, могила которого требует суда, а не осуждения, должной справедливости, а не восторженных похвал ложных друзей или пристрастного ропота раненых самолюбий...

За Ломоносовым потомство не без основания утвердило имя основателя и отца русской поэзии и литературы. Что он был первый *по времени* русский поэт, – это так же очевидно, как и то, что Державин был первый *по таланту* русский поэт. Но Ломоносов, натура поэтическая, как всякая гениальная натура, тем не менее не был поэтом. Он поэтически чувствовал и мыслил, но не владел поэтическим даром творчества. Лучшая оценка в этом отношении была сделана ему Пушкиным:

«Ломоносов был великий человек. Между Петром 1-м и Екатериною П-ю он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет; он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом. Но в сем университете, профессор поэзии и элоквиенции не что иное, как исправный чиновник, а не поэт, вдохновенный свыше, не оратор, мощно увлекающий. Однообразные и стеснительные формы, в кои отливала он свои мысли, дают его прозе ход утомительный и тяжелый. Эта схоластическая величавость, полу-славян-

^[3] В «Московском телеграфе» 1829 года, № 12, Полевой напечатал критическую статью об «Истории государства Российского» Карамзина. Среди ревнителей авторитета Карамзина статья эта вызвала бурю негодования.

ская, полу-латинская, сделалась было необходимою; к счастью, Карамзин освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратив его к живым источникам народного слова.

В Ломоносове нет ни чувства, ни воображения. . . Оды его, писанные по образцу тогдашних немецких стихотворцев, давно уже забытых в самой Германии, утомительны и надуты. Его влияние на словесность было вредное и до сих пор в ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращение от простоты и точности, отсутствие всякой народности и оригинальности – вот следы, оставленные Ломоносовым. Ломоносов сам не дорожил своею поэзиею и гораздо более заботился о своих химических опытах, нежели о должностных одах на высоко-торжественный день тезоименитства и проч. С каким презрением говорит он о Сумарокове, страстном к своему искусству, *об этом человеке, который ни о чем, кроме как о бедном своем рифмотворстве, не думает*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания